

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Б. Корнетов

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЗНАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДА РАЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ Р. РОРТИ

УДК 37:001.8

ББК 74в

История педагогики, которая с момента возникновения развивается в пространстве междисциплинарного знания, для решения своих познавательных задач широко использует различные способы реконструкции прошлого, разрабатываемые философией, науковедением, гражданской историей, культурологией, религиоведением, филологией и т. д. Для историков педагогики большой интерес представляет метод рациональной реконструкции, позволяющий органично соединить познание прошлой педагогической реальности с современным уровнем и проблемами педагогического знания. Различные исследователи в рамках разных отраслей знания по-разному трактуют этот метод. Продуктивен подход Р. Рорти, который обосновал возможность с помощью социальной реконструкции «наводить мосты между мертвыми и живыми».

Ключевые слова: историко-педагогическое познание; объяснение и понимание прошлого; педагогическое прошлое; познание и осмысление педагогического прошлого; презентизм и антикваризм; Р. Рорти; рациональная реконструкция.

G. Kornetov

PERSPECTS OF KNOWLEDGE OF THE PEDAGOGICAL PAST IN THE MIRROR OF THE METHOD OF RATIONAL RECONSTRUCTION R. RORTY

The history of pedagogy, which has been developing in the space of interdisciplinary knowledge since its inception, widely uses various methods of

reconstructing the past, developed by philosophy, science, civil history, cultural studies, religious studies, philology, etc. For historians of pedagogy the method of rational reconstruction is of great interest to solve its cognitive problems, which allows to organically connect the knowledge of the past pedagogical reality with the modern level and problems of pedagogical knowledge. Different researchers within different branches of knowledge interpret this method differently. R. Rorty's approach is productive, which proved the possibility of "building bridges between the dead and the living" with the help of social reconstruction.

Key words: historical and pedagogical cognition; explanation and understanding of the past; pedagogical past; cognition and comprehension of the pedagogical past; presentism and antiquarianism; R. Rorty; rational reconstruction.

История педагогики, выстраивая и изучая свой предмет исследования, как и любая другая историческая отрасль научного знания (гражданская история, история философии, история культуры, история экономики, история науки и техники и т. д.), обращается к прошлому, а именно к прошлой педагогической реальности¹. Эта реальность не может наблюдаться и изучаться непосредственно, ибо она уже состоялась, «закончилась», про-

шла. В распоряжении стремящегося познать прошедшую педагогическую реальность историка педагогики имеются лишь «следы педагогического прошлого в настоящем», которые зафиксированы в том, что называют историческими источниками², содержащими в себе информацию об этой реальности. Такая информация, особым образом извлеченная из исторических источников, является необходимой основой реконструкции педагогического

¹ Институты образования, педагогические учения и идеи в истории человеческого общества: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2017. 384 с.; Историко-педагогический процесс: развитие теории и практики образования в контексте социокультурной эволюции общества: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2009. Т. 2. 320 с.; История педагогики, воспитания и обучения: учебное пособие / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2017. 188 с.; Познание педагогического прошлого: концептуальные подходы, методы изучения, исследовательская проблематика: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2018. Т. 2. 264 с.; Постигание педагогической культуры человечества: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2010. Т. 2. 248 с.; Эволюция практики образования и педагогической науки в прошлом и настоящем: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. М., 2018. 360 с.

² В современной науке исторический источник определяется как «объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной составляющей» (Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 199).

прошлого, реконструкции, которая, по сути, оказывается его конструированием.¹

По мнению современного отечественного историка И. Н. Данилевского, «фактическое знание в истории по сути своей является реконструкцией прошлого, точнее, реконструкцией каких-то его элементов, которые могут быть воссозданы на основании ретроспективной информации, сохраненной историческими источниками»². Он обращает внимание на то, что источники «хранят информацию о прошлом. На основе этой информации и создаются исторические реконструкции. Впоследствии сами реконструкции гипостазированы, отождествляются с исторической реальностью, в качестве таковой и начинают изучаться на следующем этапе исторического исследования. При этом мы как бы забываем, что это — реконструкции, субъективные (в большей или меньшей степени)

реальности, существующие в настоящем, и начинаем изучать их уже как “объективную реальность”, действительно существовавшую в прошлом»³. Это в полной мере относится и к особенностям познания прошедшей педагогической реальности, которую стремятся реконструировать историки педагогики, обращаясь к доступным им источникам.

Размышляя о методологических ограничениях реконструкции прошлого, И. Н. Данилевский отмечает: «Широко бытует мнение, что объектом исторического исследования является историческая реальность. Между тем, в предыдущем столетии историческая наука, благодаря психологическому и лингвистическому “поворотам”, казалось бы, навсегда избавилась от этой иллюзии. Поначалу такая “утрата” объекта исследования представлялась многим чуть ли не концом исторической науки

¹ Астафьева Е. Н. XIII Международная научная конференция «Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: обсуждение проблемы педагогических институций // Academia. Педагогический журнал Подмосковья. 2017. № 4 (14). С. 55–59; Астафьева Е. Н. Актуальные проблемы методологии историко-педагогических исследований: Итоги VI национального форума российских историков педагогики // Academia. Педагогический журнал Подмосковья. 2018. № 2 (16). С. 54–57; Астафьева Е. Н. Восхождение к истории педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2015. № 4. С. 57–62; Астафьева Е. Н. Познавательный и образовательный потенциал истории педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2016. № 2. С. 59–62; Астафьева Е. Н. Постигая историю педагогики. К итогам Третьего Национального форума российских историков педагогики // Academia: Педагогический журнал Подмосковья. 2015. № 2. С. 59–62; Астафьева Е. Н. Теоретическое постижение педагогического наследия прошлого // Academia. Педагогический журнал Подмосковья. 2018. № 4. С. 36–39; Корнетов Г. Б. Исторический и педагогический аспекты истории педагогики // Известия РАО. 2016. № 2. С. 108–12; Корнетов Г. Б. Педагогика как история педагогики // Academia. Педагогический журнал Подмосковья. 2014. № 1. С. 58–63; Корнетов Г. Б. Теория истории педагогики. М., 2013. 460 с.

² Данилевский И. Н. Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (не) возможности исторических реконструкций. Сборник статей / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского.: М., 2012. С. 5.

³ Там же. С. 5–6.

и окончательным превращением ее в беллетристику. Впоследствии стало ясно: историки просто уточнили свои представления о том, что на самом деле является объектом их изучения. Тем не менее, как легко убедиться, многие вполне квалифицированные специалисты до сих пор полагают, что события и процессы, завершившиеся в прошлом, доступны изучению в качестве объекта. Видимо, неосознанно происходит подмена двух близких, но не совпадающих понятий: объектом познания историков по-прежнему является прошлое, в то время как объектом их исследования оно быть не может. Разрыв между этими сущностями довольно велик. Чтобы познать историю, ее сначала надо восстановить, реконструировать. Прошлого уже нет. По остаткам и следам, оставленным им, мы можем лишь приблизительно представить себе, “как это было на самом деле”. Единственная реальность, с которой историк имеет дело непосредственно, — исторические источники, тексты, донесшие ретроспективную информацию»¹.

Как бы развивая точку зрения И. Н. Данилевского, российские историки А. В. Полетаев и И. М. Савельева обращают внимание на то, что «прошлая социальная реальность конструируется (изображается) в рамках разных типов знания как специализированного, так и общего. Знание о прошлой социальной реальности является важным компонентом философ-

ского, религиозного, идеологического знания. <...> То обстоятельство, что история занимается изучением прошлого, не означает, что она не связана с настоящим. Историческое знание в каждый момент времени привязано к настоящему, диктуется настоящим, во многом определяется настоящим»². По их мнению, «любое знание о прошлой социальной реальности конструирует эту реальность. <...> Эта конструкция (знание) должна соответствовать определенным правилам, критериям и т. д. Эти критерии в большинстве своем подвижны, изменчивы, но они существуют в каждом обществе в каждый момент времени. <...> Будучи признанным в качестве знания, данный исторический дискурс начинает участвовать в *конструировании* (формировании, создании) прошлой реальности. Конструирование прошлой реальности, которое является неотъемлемой функцией всех исторических дискурсов, признанных в данном обществе в качестве знания, следует отличать от *реконструкции* прошлой социальной реальности. Под реконструкцией подразумеваются попытки воссоздания того образа прошлой социальной реальности, который существовал в самой этой реальности, то есть у тех людей, которые в этой реальности жили и для которых она была “настоящим”. <...> Впрочем, в конечном счете любая реконструкция “картины мира”, существующей в каком-либо из общества в прошлом, все

¹ Там же. С. 3–4.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 242.

равно является конструкцией прошлой социальной реальности»¹.

История педагогики, которая с момента возникновения развивается в пространстве междисциплинарного знания, для решения своих познавательных задач широко использует различные способы реконструкции прошлого, разрабатываемые философией, науковедением, гражданской историей, культурологией, религиоведением, филологией и т. д.² Для историков педагогики большой интерес представляет *метод рациональной реконструкции*, позволяющий органично соединить познание прошлой педагогической реальности с современным уровнем и проблемами педагогического знания. Различные исследователи в рамках разных отраслей знания по-разному трактуют этот метод. Попытаемся суммировать и обобщить различные трактовки, сфокусировав при этом внимание на понимании рациональной реконструкции, предложенной Р. Рорти для изучения истории философии. А затем проанализируем возможности этого метода применительно к решению проблем познания прошедшей педаго-

гической реальности в рамках истории педагогики.

Идею *рациональной реконструкции* применительно к истории науки последовательно развивал английский философ-постпозитивист венгерского происхождения *Имре Лакатос (1922–1974)*. По мнению А. Л. Никифорова, переведившего ряд его работ на русский язык, «у Лакатоса термины “рациональный”, “рациональность” имеют некоторый специфический смысл. Обычно “рациональное” — как то, что разумно или имеет логическое обоснование, — противопоставляют “иррациональному” — как тому, что находится за рамками разума и не может быть обосновано никакими соображениями, опирающимися на логику и здравый смысл. Лакатос называет “рациональным” то, что соответствует определенным методологическим принципам и нормам. <...> Методологические концепции оказываются одновременно и “теорией рациональности”, так как именно она формулирует критерии рациональности и определяет, что в деятельности ученых является “рациональным”, а что — “иррациональ-

¹ Там же. С. 244–245.

² *Астафьева Е. Н.* Изучение педагогических инноваций в историко-педагогическом контексте // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016. № 1. С. 62–66; *Астафьева Е. Н.* Педагогические инновации на основе обращения к прошлому: ретроинновация, ретровведение или традиционная инновация? // Историко-педагогический журнал. 2019. № 1. С. 178–191; *Корнетов Г. Б.* Историко-педагогический контекст теории и практики образования: монография. М., 2016. 172 с.; *Корнетов Г. Б.* Концепты «История педагогики», «педагогическая История» и «Историческая педагогика» в современной науке // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2. С. 10–24; *Корнетов Г. Б.* Темпоральный режим культуры как рамка историко-педагогического контекста инноваций в образовании // Психолого-педагогический поиск. 2019. № 2. С. 26–46.; *Круглый стол «Историко-педагогический контекст теории и практики образования»* // Педагогика. 2017. № 3. С. 84–118.

ным”. Осмысливая и интерпретируя реальную историю науки с точки зрения определенного понимания рациональности, сторонники той или иной методологической концепции представляют развитие науки как последовательность рациональных действий ученых и получают, таким образом, “рациональную реконструкцию истории науки»¹. При этом следует иметь в виду, что рациональная реконструкция «у Лакатоса не воспроизводит все детали реальной истории, но создается специально в целях рационального объяснения развития научного знания»².

В своей итоговой работе «История науки и ее рациональные реконструкции» (1973) И. Лакатос писал, что «философия науки вырабатывает нормативную методологию, на основе которой историк реконструирует “внутреннюю историю” и тем самым дает рациональное объяснение росту объективного знания».³ При этом И. Лакатос утверждал, что разработанная им методология научно-исследовательских программ «предлагает новый способ рациональной реконструкции науки»⁴. И. Лакатос рассматривал *рациональную реконструкцию* как способ объяснения исторического развития науки сквозь призму «при-

роста» объективного знания на основе определенной методологической концепции.

Рассмотрев «четыре теории рационального научного прогресса» (индуктивизм, конвенционализм, фальсификационизм и методологию исследовательских программ), И Лакатос отстаивал точку зрения, согласно которой «каждая рациональная реконструкция создает некоторую характерную для нее модель рационального роста научного знания. Однако эти нормативные реконструкции должны дополняться эмпирическими теориями внешней истории для того, чтобы объяснить оставшиеся нерациональные факторы. Подлинная история науки всегда богаче ее рациональных реконструкций. Однако *рациональная реконструкция, или внутренняя история, является первичной, а внешняя история — лишь вторичной, так как наиболее важные проблемы внешней истории определяются внутренней историей*»⁵. И. Лакатос особо подчеркивал, что «любая рациональная реконструкция истории нуждается в дополнении эмпирической (социально-психологической) “внешней истории”»⁶.

Обращение к сформулированному И. Лакатосом пониманию *мето-*

¹ Никифоров А. Л. Комментарии переводчика // Лакатос И. Методология исследовательских программ / пер. с англ. М., 2003. С. 342–343.

² Лакатос, Имре. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лакатос,_Имре

³ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / пер. с англ. А. Л. Никифорова // Лакатос И. Методология исследовательских программ / пер. с англ. М., 2003. С. 257.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 257.

да рациональной реконструкции необходимо при рассмотрении этого способа познания прошлого, так как в современной научной литературе понятие «рациональная реконструкция» в большинстве случаев используется в значении, предложенным и обоснованным И. Лакатосом, и применяется главным образом к осмыслению и концептуализации истории науки. Так, в «Новой философской энциклопедии» (2001) и «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009) это понятие определяется В. Н. Порусом, который в практически идентичных статьях пишет, что *рациональная реконструкция в истории науки* — это есть «применение методологической модели роста и развития научного знания к описанию и объяснению исторических изменений в науке. Подвергнутое рациональной реконструкции историческое движение науки предстает как процесс, удовлетворяющий определенным

рациональным критериям, предлагаемым данной моделью»¹. И далее В. Н. Порус прямо апеллирует к текстам И. Лакатоса.

В нашем случае понятие *рациональная реконструкция* позаимствовано из работы американского философа-неопрагматиста *Ричарда Рорти* (1931—2007)² «Историография философии: четыре жанра», впервые опубликованной в Кембридже в 1984 г.³ и изданной на русском языке отдельной книгой в 2017 г.⁴ в переводе Игоря Джохадзе, который также выступил автором обширной вступительной статьи и обстоятельного комментария к тексту Р. Рорти. По словам И. Джохадзе, Р. Рорти в своей работе «выделяет и детально анализирует четыре основные метода, или “жанра”, историко-философского исследования (к ним он относит *рациональную реконструкцию, историческую реконструкцию, доксографию*⁵ и исто-

¹ Порус В. Н. Рациональная реконструкция // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Н – С / председатель научно-ред. совета В. С. Степин. М., 2010. С. 424; Порус В. Н. Рациональная реконструкция // Энциклопедии эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М., 2009. С. 806.

² См.: Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти М., 2001. 256 с.; Философия Ричарда Рорти и постмодернизм конца XX века: Материалы Межвуз. науч. конф., 28–29 окт., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. А. С. Колесников. СПб., 1997. 81 с.; Юлина Н. С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный, 1998. 100 с.

³ Rorty Richard McKay. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner). Cambridge: Cambridge University press, 1984. P. 49–75.

⁴ Рорти Р. *Историография философии: четыре жанра / пер. с англ., ступ статья, комментарии* И. Джохадзе. М., 2017. 176 с.

⁵ «Доксография (от др.-греч. δόξα – «мнение, представление», и γράφῃ – «записывание, изложение») – изложение мнений и воззрений древних философов и ученых в работах позднейших авторов. Термин введен немецким классическим филологом Германом Дильсом. <...> К понятию «доксография» обращается Ричард Рорти, критически рассматривая философскую историографию. Согласно Рорти, доксография – это анахронистическая деконтекстуализация философских высказываний древности в поисках той или иной актуальной тематики». (Доксография. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Доксография>)

рию духа)»¹. Американский философ трактует метод рациональной реконструкции иначе, чем И. Лакатос, делая его более гибким познавательным инструментом, не связанным только и исключительно с использованием различных методологических моделей роста и развития научного знания применительно к познанию исторической динамики науки.

Р. Рорти раскрывает сущность, потенциал и границы каждого из четырех указанных жанров. Признавая возможности использования таких жанров, как рациональная реконструкция, историческая реконструкция и история духа, сам он, однако, выходя за их рамки, отдает предпочтение жанру *интеллектуальной истории*, которой посвящен **IV раздел работы** «Историография философии: четыре жанра». Следует признать, что интеллектуальная история, являющаяся одним из важнейших направлений в современной исторической науке, сосредоточенном прежде всего на изучении различных форм человеческой мысли представлена, в частности, авторитетной Кембриджской школой², одним из столпов которой является британский историк политической

мысли и философ *Квентин Скиннер* (р. 1940), изложивший свои основные идеи в конце 1960-х — 1970-х гг. в таких признанных сегодня международным сообществом ученых-гуманитариев классическими и переведенными в 2018 г. на русский язык работах, как «Значение и понимание в истории идей» (1969), «Значения, намерения и интерпретация текстов» (1972) и «Истоки современной политической мысли» (1978)³.

Р. Рорти активно сотрудничал с К. Скиннером. Так, например, они совместно редактировали книгу, в которой была опубликована работа Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра», а сама книга, что весьма примечательно, была издана в Кембридже⁴.

Философ *Н. С. Юлина* следующим образом излагает понимание жанра *рациональной реконструкции*, как одного из существующих историко-философских канонов, которое формулировал Р. Рорти: «Суть его состоит в том, что творчество великих философов прочитывается таким образом, что умершие мыслители становятся как бы современниками, коллегами по кафедре, с которыми можно общаться-

¹ Джохадзе И. Рорти и его история философии // Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. С. 4–48. С. 5.

² Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижей. М., 2018. 632 с.

³ См. издания 2018 г. на русском языке: Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 55–122; Скиннер К. Мотивы, намерения и интеграция текстов // Там же. С. 123–141; Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1. Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова. М., 2018. 454 с.; Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2. Эпоха Реформации / пер. с англ. А. А. Яковлева. М., 2018. 568 с.

⁴ Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University press, 1984. 403 p.

ся, вести партнерский разговор, обсуждать проблемы, вступать в диалог на страницах журналов. Аристотеля или Канта приглашают на диспуты по философии языка или метаэтике — поддержать или опровергнуть ту или иную позицию. Практиков рациональной реконструкции мало волнует историческая правда; они озабочены наведением мостов между мертвыми и живыми таким образом, чтобы найти у коллег, живших в другие эпохи, гениальные догадки, созвучные их тематике, и одновременно показать, что эти догадки получили в аналитической философии адекватное выражение в виде профессионально сформулированных проблем. Прошлое изображается в виде истории предвосхищений, подступов, приближений к тому, что сегодня принимается аналитиками за профессиональную работу. <...> Им недостаточен современный самообраз, им нужно видеть в своей деятельности кульминацию предыстории. <...> Коллекция рассказов о прошлом, ставящих его на службу настоящему, вообще не может быть историей чего-либо. Используется внеисторический метод предпочтений: выбираются определенного типа проблемы и определенного типа персоналии. <...> Рорти не отрицает определенные достоинства жанра рациональной реконструкции. Все же, полагает он, его лучше соединить с методом исто-

рической реконструкции. Нужно начинать с истории, помещая взгляды мыслителей прошлого в контекст их времени, актуальных в ту пору вопросов, господствовавших стилей мышления, в “дух эпохи” и т. п. В последние десятилетия историками поломано немало копий в спорах о приоритетности метода рациональной реконструкции или метода исторической реконструкции. Многие видят в них неразрешимую дилемму. Рорти с этим не согласен; оба метода вполне совместимы, можно применять и тот, и другой, но в отдельности. Применяющие историческую реконструкцию должны, конечно, владеть историческим материалом, но, что еще важнее, они должны знать современное состояние проблем, обсуждавшихся в прошлом, и иметь по их поводу собственное мнение»¹.

Рациональную реконструкцию² Р. Рорти рассматривает в паре с исторической реконструкцией в I разделе своей работы, который так и называется «Рациональная и историческая реконструкция». Непосредственно обращаясь к проблемам философии и ее истории, он пишет: «Аналитические философы, предпринимающие попытки “рационально реконструировать” учения великих мыслителей прошлого, рассчитывают на то, что им удастся представить этих мыслителей своими современниками, коллегами и партнерами по разговору, с которыми

¹ Юлина Н. С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История философии. М.: ИФ РАН, 1997. № 1. С. 150–151.

² И. Джохадзе пишет, что «рациональная реконструкция, согласно Рорти, представляет особый метод изучения и интерпретации философских концепций прошлого в терминах более поздней (современной исследователю) философии». (Джохадзе И. Рорти и его история философии. С. 5).

можно обмениваться мнениями и аргументами¹. <...> Рациональные реконструкции, между тем, приводят к обвинению их авторов в анахронизме. Аналитических историков философии нередко упрекают в том, что они искажают смысл исследуемого текста, подгоняя его под проблематику философских дебатов в современных журналах. <...> Перед нами, казалось, дилемма: либо мы, в духе анахронизма, навязываем свои проблемы и свой словарь предшествующим философам, пытаясь сделать их партнерами по разговору, либо нацеливаем интерпретацию на то, чтобы реконструировать концепции прошлого настолько “аутентично”, насколько возможно. <...> В действительности, однако, эта альтернатива не составляет дилеммы. Нам следует делать обе вещи, но делать раздельно»². По мнению Р. Рорти, обе эти реконструкции, и рациональная, и историческая, «необходимы и могут сосуществовать, не вступая в противоречие друг с другом. Рациональные реконструкции позволяют нам полнее и глубже осмыслить проблематику современной филосо-

фии; исторические реконструкции напоминают о том, что эта проблематика культурно-исторически обусловлена и, вероятно, представляет интерес только для нашего поколения»³. При этом Р. Рорти обращает внимание на то, что «число рациональных реконструкций, нацеленных на поиск в сочинениях мыслителей прошлого значимых истин или осмысленных и весомых ложных высказываний, будет таким же, сколько имеется существенно различающихся контекстов, в которые можно поместить их работы»⁴.

Идеи о возможности и целесообразности рациональной и исторической реконструкции прошлого имеют в социально-гуманитарном познании достаточно широкое распространение. Обращение к этим идеям позволяет существенно уточнить и углубить то понимание рациональной реконструкции прошлого, которое предлагает Р. Рорти.

Так, английский классик политической философии, представитель так называемой британской интеллектуальной традиции *Майкл Оукиотт* (1901–1990) различал два подхода к

¹ Комментируя работу Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра», И. Джохадзе обращает внимание на то, что в качестве подобного примера «соредактор Рорти по сборнику “Философия и история” К. Скиннер приводит <...> монографию Джона Мэки «Проблемы от Локка» (1976). Автор – известный австралийский философ-аналитик и историк идей – сразу заявляет, что не собирается “описывать или изучать философию Локка в целом <...>”, поскольку целью его работы является исключительно обсуждение “ограниченного круга проблем, сохраняющих устойчивый философский интерес”. И далее Мэки прямо указывает, что видит свою задачу не в исторической реконструкции доктрины Локка или сопоставлении его взглядов с идеями других мыслителей (его современников и или близких по времени авторов), но в “разработке и решении самих проблем”». (*Джохадзе И. Комментарии // Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. С 122–123.*)

² *Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. С. 49–50.*

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 63–64.

историческому исследованию, называя их, соответственно, *практическим* и *научным* (или *историческим*), которые весьма созвучны рациональной и исторической реконструкции прошлого, описываемых Р. Рорти. О практическом и научном (историческом) подходах в статье «Деятельность историка» (1955) М. Оукшотт писал следующее: «Практический человек читает прошлое назад. Его интересуют <...> только те события, которые он может связать со своей сегодняшней деятельностью. Он всматривается в прошлое для того, чтобы объяснить современность. <...> С “историком” дело обстоит не так. Его исследование прошлого не определяется случайными столкновениями с текущими событиями. <...> Деятельность “историка” <...> выражает интерес к событиям прошлого ради них самих»¹.

Рассуждая вполне в логике метода рациональной реконструкции, М. Оукшотт обращал внимание на то, что: «“прошлое” есть некоторая конструкция, которую мы создаем из событий, происходящих у нас на глазах. Так же, как “будущее” появляется в результате понимания событий настоящего в качестве свидетельств того, что еще только готовится появиться, “прошлое” благодаря истолкованию текущих событий как свидетельств того, что уже произошло. Короче говоря, “прошлое” является следствием понимания настоящего особым образом. <...> В таком случае “прошлое” есть определенный способ прочтения

“настоящего”. Но помимо того, что это прочтение предполагает понимание явлений настоящего как свидетельства уже происшедших событий, оно может подразумевать и множество отношений к этим событиям. Если руководствоваться высказываниями тех, кто говорил и писал о событиях прошлого, то три наиболее важных и доступных нам отношения можно назвать *практическим*, *научным* и *созерцательным*. И для каждой из этих позиций существует свой способ говорить о прошедших событиях. Во-первых, если мы понимаем события прошлого только в отношении к себе и нашим собственным действиям, нашу позицию можно назвать “практической”. <...>. Во-вторых, наше отношение к тому, что случилось в прошлом, может быть, вообще говоря, “научным” отношением. При этом события прошлого интересуют нас не в отношении к нам и пригодности мира для жизни, а в отношении их независимости от нас. Практическая реакция — это всегда реакция заинтересованного лица, сторонника той или иной позиции. В научной реакции появляется прошлое, не связанное с нами, прошлое само по себе. <...> Наконец, наше отношение (и, следовательно, способ, которым мы осознаем прошедшие события, а также наши высказывания относительно этих событий) может быть “созерцательным” отношением. Оно представлено в деятельности так называемых “исторических романистов”, для ко-

¹ Оукшотт М. Деятельность историка / пер. с англ. Ю. Никифорова // Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. С. 141–143.

торых прошлое представляет собой не практический, не научный факт, а кладовую чистых образов. <...> “Прошлое” как таковое не может появиться в “созерцании” (при этом отношении к миру мы не ищем того, что не дано непосредственно). “Созерцать” события прошлого — деятельность, собственно говоря, зависимая. То, что мы созерцаем, — события не прошлого, а настоящего, которые, как мы считаем (в силу какого-то другого отношения к настоящему), произошли. <...> Когда “созерцается” то, что при другом отношении было бы осознано как событие “прошлого”, его принадлежность прошлому игнорируется. В таком случае то, что мы называем “событиями прошлого”, является продуктом понимания современных явлений как свидетельств событий, которые уже произошли. Прошлое, каким бы образом оно не появилось, есть определенная разновидность протечения настоящего»¹.

По мнению одного из основателей диалектической теологии, немецкого мыслителя *Рудольфа Бульмана* (1884—1976), «в случае исторической интерпретации существуют две возможности: 1. Вы стремитесь воссоздать картину прошлого, реконструировать его; 2. Вы стремитесь узнать из исторических документов то, что вам нужно для сегодняшней практической жизни. Так, например, вы можете интерпретировать Платона как

интересную фигуру в истории Афин конца V в. до н. э. Но можно также увидеть в Платоне источник знаний о человеческой жизни. В последнем случае интерпретация мотивирована не интересом к минувшей эпохе, а поиском истины»².

Британский историк, философ-неогегельянец *Робин Коллингвуд* (1889—1943), исходя из того, что «прошлое — не мертвое прошлое, а живет в настоящем», считал, что «историческое познание <...> не является ни познанием прошлого, исключаящим познание настоящего, ни знанием настоящего, исключаящим знание прошлого; оно — знание прошлого в настоящем»³. То есть, по существу, *Р. Коллингвуд* указывал на необходимость органического соединения того, что *Р. Рорти* позднее называл рациональной и исторической реконструкциями при постижении прошлого, и то, на что обращали внимание *М. Оукшотт* и *Р. Бульман*.

Следует признать, что ряд весьма авторитетных мыслителей отдавали и отдают явное предпочтение рациональной реконструкции прошлого. К их числу, например, относится итальянский неогегельянец, философ и историк *Бенедетто Кроче* (1866—1952), писавший: «Очевидно, что только интерес настоящего может выступать двигателем поисков фактов прошлого. Найденный факт прошлого и соединенный с интересом настоящего

¹ Там же. С. 135—138.

² *Бульман Р.* Иисус Христос и мифология / пер. с нем. О. В. Боровой // *Бульман Р.* Избранное: Вера и понимание. Том I — II / пер. с нем. М., 2004. С. 231.

³ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. / пер. с англ. и комм. Ю. А. Асеева. М., 1980. С. 167.

становится реальностью настоящего, а не прошлого. Не зря историки повторяют на разные лады одну эмпирическую и ставшую банальной формулу: история — это *magistra vitae*, наставница жизни. <...> Современность не есть характеристика класса историй (как мы имеем в эмпирической классификации), это внутренняя составляющая истории. Следует понять связь истории с жизнью как отношение единства, не абстрактного тождества, а синтетического, где термины различны, неслиянны и едины. <...> Как только мы установили неразъединимость жизни и исторического мышления, сразу исчезают сомнения вокруг определенности и полезности истории. Может ли быть неопределенным настоящее, в котором действует наш дух? Может ли быть бесполезным познание, решающее самые жгучие жизненные проблемы? <...> Интеллектуальная потребность — как разрешить научный вопрос, исправить и дополнить неудовлетворительно сформулированные термины, являющиеся источником колебаний и сомнений. Это познание реальной ситуации и является сугубо историческим. <...> Практическая потребность, лежащая в основании любого исторического суждения, сообщает истории характер современности¹.

По сути, рациональная реконструкция прошлого в логике Р. Рорти отражает ту тенденцию, о которой современный отечественный историк

И. И. Курилла пишет: «История в наиболее распространенном в XX веке понимании ее метода отвечает на вопросы настоящего, черпая ответы из прошлого. <...> Новые вопросы, обращенные к тому же самому прошлому, и делают возможным и неизбежным процесс, который называют “переписыванием историй”. <...> Историки отвечают на вопросы, которые интересны им самим и их времени». Он отмечает далее, что «в последние годы <...>, с одной стороны, в образовании и во взглядах историков утвердилось представление об истории как о постоянно поддерживаемом диалоге настоящего с прошлым. С другой — именно в это время появились влиятельные работы, ломающие перегородку между сегодня и вчера, фокусирующие свое внимание на присутствии прошлого в настоящем. Диалог в этом контексте представляется проблематичной метафорой»².

Французский историк-медиевист, авторитетнейший представитель так называемой «Новой исторической науки» *Жак Ле Гофф* (1924–2014), говоря о получившей распространение в исторической науке констатации «того, что видение одного и того же прошлого изменяется в зависимости от конкретной эпохи», обратил внимание на то, что «действительный интерес к прошлому означает стремление прояснить настоящее. Для “соприкосновения” с прошлым необходи-

¹ *Кроче Б.* Антология сочинений по философии: История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / пер., сост. и комм. С. Мальцевой. СПб., 2000. 480 с. С. 175–177, 210.

² *Курилла И. И.* История, или Прошлое а настоящим. СПб., 2017. С. 16, 19, 20.

мо пройти через настоящее»¹. Ж. Ле Гофф подчеркивает: «Подобно тому, как прошлое — это не история, а ее объект, точно так же и память — не история, но один из ее объектов и одновременно простейший уровень исторического исследования»². Он утверждает, что «прошлое частично зависит от настоящего. Любая история современна в той мере, в какой прошлое воспринято в настоящем и, таким образом, отвечает на его запросы. Это не только неизбежно, но и правомерно. Коль скоро история есть длительность, прошлое одновременно выступает и как прошедшее, и как настоящее»³.

Немецкий философ и теоретик культуры *Вальтер Беньямин* (1892—1940) в 1940 г. в неоконченной работе «О понятии истории» («Тезисы о философии истории») писал: «История — предмет конструкции, место которой не пустое и гомогенное время, а время, наполненное “актуальным настоящим”»⁴.

Франсуа Артоз (р. 1946), французский историк, специалист в области историографии, утверждает, что «в XIX и XX веках историк выступал в четырех основных амплуа. Мишле называл историка пророком, “вещающим” перед народом. Моно и Лависс видели в историке безупречного педагога и наставника, считая, что таковой созидает саму Республику, усиленно

преодолевая пропасть между старой и новой Францией. Некоторые исследователи, такие, как Фюстель де Куланж, считали забвение (λήθη) предпосылкой исторической работы и говорили, что историк должен только воскрешать прошлое из беспамятности. Наконец, были историки, которые считали, что настоящий историк держит в руках оба конца цепи, соединяя прошлое и настоящее, — так думали основатели школы “Анналов”. Так, Марк Блок определял историю как “понимание людей через время” и говорил, что “историк постоянно должен соединять изучение умерших и изучение живущих”. В Заключении к “Отчету об исторических исследованиях во Франции” 1867 г. есть чрезвычайно сильные утверждения: “История каждого периода может быть понята только тогда, когда сам период завершен. Поэтому область историографии — прошлое; настоящим распоряжаются политики, а будущее принадлежит Богу”. <...> Современные — и “ультрасовременные” — историки, часто становящиеся заметными публичными персонами, настаивают на том, что они — носители норм настоящего. <...> Таким образом, изучает ли история настоящее или какой-либо другой период, ее стоит рассматривать как историю внутри настоящего. <...> Историк — часть настоящего времени, он может

¹ *Ле Гофф Ж.* История и память / пер. с фр. К. З. Аюпяна. М., 2013. С. 16.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С. 171.

⁴ *Беньямин В.* О понятии истории / пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90. URL.: <https://shraibman.livejournal.com/516588.html>

лучше видеть прошлое, поскольку умеет обращаться со своим собственным настоящим»¹.

Трактовка рациональной реконструкции истории, предложенная Р. Рорти, впрочем, так же, как различные контексты и акцентуации, интерпретации рациональной реконструкции, имеющие место в работах других исследователей (Ф. Артрога, В. Беньямина, Р. Бултмана, Ж. Ле Гоффа, Р. И. Лакатоса, Р. Коллингвуда, Б. Кроче, М. Оукшотта и т. д.), может весьма продуктивно использоваться при постановке и решении различных историко-педагогических и, шире, педагогических проблем как таковых.

При этом историку педагогики важно обратить внимание на тезис Р. Рорти о том, что рациональная реконструкция должна быть естественным образом соединена с исторической реконструкцией, что будет способствовать целостному и системному описанию, объяснению и пониманию рассматриваемых событий, процессов, практик, институций, идей, теорий и т. п. Суть соединения в научно-педагогическом исследовании рациональной и исторической реконструкции педагогического прошлого, всегда рассматриваемого из пространства сегодняшнего дня, может быть раскрыта сквозь призму таких понятий, как *презентизм* и *антикваризм*.

Отечественный философ *Н. М. Аль-Ани* в книге «Методология и

философия науки»² пишет: «Для изучения историко-научного текста, для исследования научных достижений прошлого, для их понимания и оценки в истории науки были выработаны два противоположных подхода или метода — так называемые презентизм и антикваризм. Под *презентизмом* (от англ. Present — настоящее) понимается способ исследования историко-научного материала и, стало быть, понимания тех или иных фактов из истории научного знания с точки зрения современного состояния этого знания и культуры вообще. Поэтому можно сказать, что презентизм фактически экстраполирует современный взгляд, т. е. настоящее, на прошлое или, что суть одно и то же, как бы “подгоняет” прошлое под настоящее. Другими словами, он пытается раскрыть конкретное содержание прошлого знания и выразить его современным языком, современной терминологией, базируясь при этом на современном мироощущении и миропонимании, то есть исходя из современной картины мира. По мнению некоторых историков и философов науки, подобный метод или подход искажает подлинную сущность прошлого знания вообще и историко-научного текста в частности. Согласно их точке зрения, данную сущность можно выразить (восстановить, воспроизвести) и передать только с помощью и на базе антикваризма. *Антикваризм* (от англ. Antiquarian — антикварий, антикварный) — это метод исследования в ис-

¹ Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? / пер. с фр. URL.: <http://gefeter.ru/archive/8000>

² Аль-Ани Н. М. Методология и философия науки: учебное пособие. Изд. 2-е, испр., доп. СПб., 2011. 151 с.

ториографии науки, согласно которому прошлое научное знание должно быть изучено и оценено под углом зрения самого прошлого. Говоря более определенно, он представляет собой такой способ исследования историко-научных явлений, при котором восстанавливается их, так сказать, живой образ, то есть воспроизводится их содержание во всех конкретно-исторических деталях. При этом любое обращение к настоящему, любая апелляция к современному научному знанию в таком исследовании объявляются не только нежелательными, но даже вредными и потому считаются в принципе недопустимыми»¹.

По мнению, высказанному российским философом и науковедом М. А. Розовым (1930–2011), «историк должен описать содержание источника на современном языке, но он должен сделать это с учетом того исторического контекста, в котором источник был создан. Иными словами, если говорить об описании содержания, историк должен понимать источник с позиций антикваризма, но описывать это свое понимание средствами современного языка, то есть как презентист. <...> Презентист и антикварист в таком случае — это просто носители разных языков, не знающие языка друг друга. Подлинный историк — это билингва»². По словам М. А. Розова, «понимающий и объясня-

ющий подходы в этой ситуации выглядят как два разных способа описания одной и той же традиции: мы можем попытаться описать то содержание, которое в рамках этой традиции передается, а можем — путь и механизмы передачи. <...> Для характеристики антикваризма нам надо выйти за рамки понимающего подхода, ибо антикваризм связан не с пониманием, а с объяснением. <...> мы должны выявить и описать социокультурный контекст возникновения и функционирования источника, те традиции, которые все это определяли. <...> Дилемма презентизма и антикваризма — это частный случай традиционного для гуманитарной науки противопоставления понимания и объяснения»³.

Обращаясь к презентизму, как способу описания и понимания историко-педагогического прошлого, следует учитывать мнение современного отечественного политолога Н. В. Иллерицкой, согласно которому «презентизм жестко постулирует представление о том, что прошлая социальная реальность (то есть история) не может быть “реконструирована”, ее можно только заново сконструировать»⁴.

В. Г. Безрогов и Т. Н. Матулис в статье «Концептуализация и моделирование в истории педагогики», рассматривая вопрос о сложности историко-педагогического познания, выделили ряд «гносеологических

¹ Презентизм и антикваризм. URL.: <https://studfiles.net/preview/6069040/page:22/>

² Розов М. А. Две картины истории. URL.: <https://docplayer.ru/37089972-Prezentizm-i-antikvarizm-dve-kartiny-istorii.html>

³ Там же.

⁴ Иллерицкая Н. В. История и политология: траектория презентизма // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2009. № 1. С. 24.

признаков» историко-педагогической науки. К числу таких призраков они отнесли, в частности, «*призрак современности*», по сути, раскрывая сквозь его призму особенности презентизма в истории педагогики: «Вся история образования значима по представлениям как ее исследователей, так и заказчиков-потребителей, только с точки зрения современности, ибо в науках об образовании важно и существенно лишь текущее. <...> Призрак современности “работает” в двух направлениях. 1. В прошлое направляется луч исследования с точки зрения современных проблем. Результат — то, что называется проблемно-ориентированной историей педагогики. Ищется систематизация надвременных и универсальных образовательных принципов, и правил. <...>. 2. Другое воплощение того же призрака — осовременивание прошлого и его памятников, рассмотрение их “в рамках современной научной культуры”. От каждого педагога прошлого берется лишь то, что созвучно современной эпохе, автору или тем, кому адресовано исследование»¹.

Развивая высказанную М. С. Розовым мысль о соотносительности презентизма и, соответственно, рациональной реконструкции истории, с акцентом на углубление понимания познаваемых наукой объектов, можно утверждать, что рациональная реконструкция педагогического прошлого, не просто отражающая современный уровень развития педагогического, соци-

ально-гуманитарного, философского, науковедческого знания, а осуществляемая в формате этого современного уровня знания, позволяет искать ответы на вопросы, которые прямо и непосредственно вырастают из педагогического настоящего, прояснять это настоящее. При этом не только искать их исторические корни, выявлять тот путь, который привел человечество к сложившейся ситуации в современной теории и практике образования, устанавливать историко-генетические причины педагогических проблем сегодняшнего дня. Рациональная реконструкция педагогического прошлого, осуществляемая в рамках идеологии презентизма, способствует также идентификации современных педагогических ценностей, идеалов, подходов, позиций, способов теоретической и практической деятельности в образовании, с педагогическими традициями, пронизывающими педагогическую культуру человечества на протяжении длительного времени. Рациональная реконструкция педагогического прошлого, по сути, предполагает в каждом случае обращения к этому прошлому переосмысление имеющихся историко-педагогических источников, содержащих в себе информацию о прошлом, их новое прочтение, «нагружение» его новыми смыслами, неразрывно связанными с той современной ситуацией, из которой проистекает это обращение к прошлому, вырастает интерес к нему. Следует иметь в виду, что параллельно осуществляемая

¹ Безрогов В. Г., Матулис Т. Н. Концептуализация и моделирование в истории педагогики // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография / под ред. Г. Б. Корнетова, В. Г. Безрогова. М., 1996. С. 69–70.

историческая реконструкция может в большей или меньшей способствовать выявлению тех условий и причин, которые рассматриваемое прошлое породили, тех смыслов, которые в него вкладывали его создатели и современники. Говоря словами отечественного историка и теоретика культуры Л. М. Баткина (1932–2016), если суть исторической реконструкции педагогического прошлого связана с получением и уточнением знания о нем, которое может быть «правильным» и «неправильным», может постоянно обогащаться, корректироваться, «достаиваться», то суть рациональной реконструкции проявляется в постоянном возникновении новых смыслов, порождаемых каждым исследователем в каждый момент обращения к педагогическому прошлому, воплощенному в том или ином конкретном историко-педагогическом источнике¹.

Развиваемая Л. М. Баткиным модель культурологического подхода к единству исследования исторического развития различных форм и проявлений бытия и сознания человека и общества созвучна мысли отечественного философа В. С. Библера (1918–2000) о том, что «сознание, пробужденное XX веком, замечает, что в том же едином ключе — и скажу определеннее — в ключе культуры — необходимо сейчас понимать и развитие самой науки, еще недавно породившей схему “восходящего развития”,

уплотнения знаний и т. д. “Принцип соответствия”, идея “предельного” перехода, соотношение дополнительностей, парадоксы теории множеств в математике, вообще — парадоксы обоснования начал математики — все это заставляет утверждать: наука также может и должна быть понята и развиваема как феномен культуры, то есть <...> как взаимопереход, одновременность, равноосмысленность различных научных парадигм. <...> Снова тот же культурологический парадокс: Не обобщение, но общение различных форм понимания — вот формула движения к всеобщности в современных позитивных науках»².

Подходы Л. М. Баткина и В. С. Библера, акцентирующие внимание на познании прошлого, как источника обретения и обогащения бесконечного множества смыслов, позволяющих исследователю лучше понимать себя, изучаемые проблемы, окружающий мир, могут быть продуктивно реализованы в формате постижения истории педагогики при опоре на рациональную реконструкцию педагогического прошлого. Модель рациональной реконструкции прошлого, предложенная Р. Рорти, обогащенная идеями других исследователей о целенаправленном познании того, что было раньше сквозь призму того, что есть сейчас, требует от историков педагогики специальной концептуальной разработки.

¹ Баткин Л. М. Два способа изучать историю культуры // Баткин Л. М. Избранные труды: в 6 т. Т. 4. Пристрастия: Избранные статьи и эссе о культуре. М.; РГГУ, 2018. С. 301–323.

² Библер В. С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) // Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997. С. 221–232. С. 225.

Список литературы

1. Аль-Ани, Н. М. Методология и философия науки: учебное пособие. Изд. 2-е, испр., доп. / Н. М. Аль-Ани. — СПб. : Санкт-Петербургский нац. исслед. ун-т информ. технологий, механики и оптики, 2011. — 151 с.
2. Артог, Ф Какова роль историка во все более «презентистком» мире? / Ф. Артог; пер. с фр. URL.: <http://gefter.ru/archive/8000>
3. Астафьева, Е. Н. XIII Международная научная конференция «Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: обсуждение проблемы педагогических институций // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. — 2017. — № 4 (14). — С. 55—59.
4. Астафьева, Е. Н. Актуальные проблемы методологии историко-педагогических исследований: Итоги VI национального форума российских историков педагогики / Е. Н. Астафьева // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. — 2018. № 2 (16). — С. 54—57.
5. Астафьева, Е. Н. Восхождение к истории педагогики / Е. Н. Астафьева // Academia: Педагогический журнал Подмосквья. — 2015. — № 4. — С. 57—62.
6. Астафьева, Е. Н. Изучение педагогических инноваций в историко-педагогическом контексте / Е. Н. Астафьева // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2016. — № 1. — С. 62—66.
7. Астафьева, Е. Н. Педагогические инновации на основе обращения к прошлому: ретроинновация, ретровведение или традиционная инновация? / Е. Н. Астафьева // Историко-педагогический журнал. — 2019. — № 1. — С. 178—191.
8. Астафьева, Е. Н. Познавательный и образовательный потенциал истории педагогики / Е. Н. Астафьева // Academia: Педагогический журнал Подмосквья. — 2016. — № 2. — С. 59—62.
9. Астафьева, Е. Н. Постигая историю педагогики. К итогам Третьего Национального форума российских историков педагогики / Е. Н. Астафьева // Academia: Педагогический журнал Подмосквья. — 2015. — № 2. — С. 59—62.
10. Астафьева, Е. Н. Теоретическое постижение педагогического наследия прошлого / Е. Н. Астафьева // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. — 2018. — № 4. — С. 36—39.
11. Баткин, Л. М. Два способа изучать историю культуры / Л. М. Баткин // Баткин Л. М. Избранные труды: в 6 т. Т. 4. Пристрастия: Избранные статьи и эссе о культуре. — М. : Новый хронограф; РГГУ, 2018. — С. 301—323.
12. Безрогов, В. Г. Концептуализация и моделирование в истории педагогики / В. Г. Безрогов, Т. Н. Матулис // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография / под ред. Г. Б. Корнетова, В. Г. Безрогова. М. : ИТОП РАО, 1996. — С. 59—101.
13. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) / В. С. Библер // Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. — М. : Русское феноменологическое общество, 1997. — С. 221—232.
14. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин ; пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 46. — С. 81—90. URL.: <https://shraibman.livejournal.com/516588.html>
15. Бульман, Р. Иисус Христос и мифология / Р. Бульман ; пер. с нем. О. В. Боровой // Бульман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I — II / пер. с нем. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 211—248.
16. Данилевский, И. Н. Исторические реконструкции: методологические ограничения / И. Н. Данилевский // От текста к реальности: (не) возможности исторических реконструкций. Сборник статей / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. — М. : Институт всеобщей истории РАН, 2012. — С. 3—24.
17. Джохадзе, И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти / И. Д. Джохадзе. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
18. Джохадзе, И. Рорти и его история философии / И. Джохадзе // Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. с англ., вступ. статья, комментарии И. Джохадзе. — М. : «Канон+» РООП «Реабилитация», 2017. — С. 4—48.

19. Доксография. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Доксография>
20. Иллерицкая, Н. В. История и политология: траектория презентизма / Н. В. Иллерицкая // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. — 2009. — № 1. — С. 20—28.
21. Институты образования, педагогические учения и идеи в истории человеческого общества: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2017. — 384 с.
22. Историко-педагогический процесс: развитие теории и практики образования в контексте социокультурной эволюции общества: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2009. — Т. 2. — 320 с.;
23. История педагогики, воспитания и обучения: учебное пособие / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2017. — 188 с.
24. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Агнашев, М. Велижей. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 632 с.
25. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография. / Р. Дж. Коллингвуд; пер. с англ. и комм. Ю. А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с.
26. Корнетов, Г. Б. Историко-педагогический контекст теории и практики образования: монография / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2016. — 172 с.
27. Корнетов, Г. Б. Исторический и педагогический аспекты истории педагогики / Г. Б. Корнетов // Известия РАО. — 2016. — № 2. — С. 108—112.
28. Корнетов, Г. Б. Концепты «История педагогики», «педагогическая История» и «Историческая педагогика» в современной науке / Г. Б. Корнетов // Психолого-педагогический поиск. — 2016. — № 2. — С. 10—24.
29. Корнетов, Г. Б. Педагогика как история педагогики / Г. Б. Корнетов // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. — 2014. — № 1. — С. 58—63.
30. Корнетов, Г. Б. Темпоральный режим культуры как рамка историко-педагогического контекста инноваций в образовании / Г. Б. Корнетов // Психолого-педагогический поиск. — 2019. — № 2. — С. 26—46.
31. Корнетов, Г. Б. Теория истории педагогики / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2013. — 460 с.
32. Кроче, Б. Антология сочинений по философии: История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Б. Кроче; пер., сост. и комм. С. Мальцевой. — СПб.: Пневма, 2000. — 480 с.
33. Круглый стол «Историко-педагогический контекст теории и практики образования» // Педагогика. — 2017. — №. 3. — С. 84—118.
34. Курилла, И. И. История, или Прошлое а настоящем / И. И. Курилла. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 168 с.
35. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос; пер. с англ. А. Л. Никифорова // Лакатос И. Методология исследовательских программ / пер. с англ. — М.: АСТ; Ермак, 2003. — С. 255—344.
36. Лакатос, Имре. Материал из Википедии — свободной энциклопедии / Имре Лакатос. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лакатос,_Имре
37. Ле Гофф, Ж. История и память / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. К. Э. Аюпяна. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. — 303 с.
38. Никифоров, А. Л. Комментарии переводчика / А. Л. Никифоров // Лакатос И. Методология исследовательских программ / пер. с англ. — М.: АСТ; Ермак, 2003. — С. 342—344.
39. Оукшотт, М. Деятельность историка / М. Оукшотт; пер. с англ. Ю. Никифорова // Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. — М.: Идея-Пресс, 2002. — С. 129—152.
40. Познание педагогического прошлого: концептуальные подходы, методы изучения, исследовательская проблематика: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2018. — Т. 2. — 264 с.
41. Порус, В. Н. Рациональная реконструкция / В. Н. Порус // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Н — С / председатель научно-ред. совета В. С. Степин. — М.: Мысль, 2010. — С. 424—425.

42. Порус, В. Н. Рациональная реконструкция / В. Н. Порус // Энциклопедии эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 806.
43. Постигание педагогической культуры человечества: монография: в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. — М., 2010. — Т. 2. — 248 с.
44. Презентизм и анткваризм. URL.: <https://studfiles.net/preview/6069040/page:22/>
45. Розов, М. А. Две картины истории / М. А. Розов. URL.: <https://docplayer.ru/37089972-Prezentizm-i-antikvarizm-dve-kartiny-istorii.html>
46. Рорти, Р. Историография философии: четыре жанра / Р. Рорти ; пер. с англ., ступ статья, комментарии И. Джохадзе. — М.: «Канон+» РООП «Реабилитация», 2017. — 176 с.
47. Савельева, И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — СПб.: Наука, 2003. — 622 с.
48. Скиннер, К. Значение и понимание в истории идей / К. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижей. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 55–122.
49. Скиннер, К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1. Эпоха Ренессанса / К. Скиннер ; пер. с англ. А. А. Олейникова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 454 с.
50. Скиннер, К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2. Эпоха Реформации / К. Скиннер; пер. с англ. А. А. Яковлева. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 568 с.
51. Скиннер, К. Мотивы, намерения и интеграция текстов / К. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижей. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 123–141.
52. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 586 с.
53. Философия Ричарда Рорти и постмодернизм конца XX века: Материалы Межвуз. науч. конф., 28–29 окт., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. А. С. Колесников. — СПб.: СПбГУ, 1997. — 81 с.
54. Эволюция практики образования и педагогической науки в прошлом и настоящем: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2018. — 360 с.
55. Юлина, Н. С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти / Н. С. Юлина. — Долгопрудный: Вестком, 1998. — 100 с.
56. Юлина, Н. С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии / Н. С. Юлина // История философии. — М.: ИФ РАН, 1997. — № 1. — С. 136–162.
57. Rorty, Richard McKay. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner). Cambridge: Cambridge University press, 1984. — P. 49–75.
58. Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University press, 1984. — 403 p.